

The background of the entire cover is a repeating pattern of red roses with black outlines and green leaves on black, winding branches. A large red rectangle is positioned in the center-left, containing the title and author's name.

ОКСАНА ЦАРЬКОВА

ВЕДЫ

КОЛИНА

18+

ОКСАНА СЕРГЕЕВНА ЦАРЬКОВА

Веды. Колина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=62311498

SelfPub; 2020

Аннотация

Бел туман по лесу постилается, среди сосен высь, пробирается, среди синь берёз, среди плач-травы, то туман из слов, из людской молвы. Из людской молвы, из девичьих слёз, где торчат столбы сломанных берёз, где в ому́тах тьма глубо́ко ушла, где любовь была, да в реку́ сошла. Да в реку́ сошли тёмны́ ноченьки. И в тумáне том – веды – до́ченьки. Чей сорва́ла жизнь до цветенья цвет... Белой тот туман – туман белых вед. ... и никто не веда́т, как туман веду выбирает, веду отдаёт, веду забирает. Веды никому не ве́домы. Придут на опушке леса из тумана. Бельёе все. И сядут веночки плести, песни петь... И, не дай бог, парню выйти на их зов... Не уйдёт он жив, коли сердцем не чист. Зама́нят его веды в самый тёмно́й омут на реке. В тот омут, в котором сами уто́пли от любви... А если парень сердцем светёл, то веды ему подарок дадут такой, какой сам испро́сит...

Капля дрожала на кончике травинки. Тяжёлая, набухшая падала вниз. На босой палец маленькой ножки. Девочка хотела от неожиданной прохлады, облизавшей ступню. Божья коровка важно расселась на соседней с её носом веточке. Насекомыш сосредоточенно гремел жёсткими скорлупками красноточечных надкрылков.

Потом, жучок зажужжал, выпрастывая мягкие смуглые тоненькие крылышки, но остановился, замер. Коричневатые краешки перепоночек застряли в полуразмахе, стеснённые створками глянцевого полукружия. Солнца лучик струйкой пронизал кружева зеленолистных трепетных берёзок, добрался до голубого любопытного глаза девчушки, затаившейся над божьей коровкой, щекотнул пушистые реснички.

Коли́на чихнула. Звонко дёрнула звуком, вытягивая губы в трубочку...

Получилось "Чуууууииих". Нежно, тоненько.

Букашка сдулась с ветки, падая спинкой, невероятно вывернулась, покачалась в воздухе, в этот день необычайно прином, тягучем, и улетела на небо.

Девочка задрала голову. Пушинки волосиков, обрамлявших светлое личико, поднялись вверх. Лента, голубой змейкой выметнулась, выскользнула в зелёную высокую траву.

Невдалеке гроыхнуло ботало, повязанное на коровью выю.

Коли́на подхватила ленту с травы, подвязала коску, опрометью понеслась на опушку, едва касаясь быстрыми ножка-

ми лоснящейся зелени многотравья.

Стадо бурёнок возвращалось в деревушку. А с ними и пастух — отец Колины́.

Каждое утро, чуть свет, и каждый предзакатный час, Колина́ стояла у края деревни, за развалившимся забором "чёрной избы", опираясь ручонками на косой, дурновылезший кол, за которым кончалась деревня и начинался прилесок. При рождении её крестили Софьей, но никто, кроме её отца, и не помнил этого имени. Как только девочка научилась топáться ножками, она стала поу́тру и ввечеру́ подбегать к колу́ и держась за него, качаясь и напевая одной ей ведóмые песенки, провожать-встречать стадо с пастухом.

Людские языки спóро прозвали девочку Колина́ — держащаяся за кол, топочущаяся у околицы.

Мать Колины́ скончалась родáми. Она была из пришлых. Не деревенская, не нашёнская. Вся белая, прозрачная, болезная голубой синевой венки, стекавших по невесомым запястьям к изнеженным, белоу́зким ладошкам.

Наши местные девахи были ширококостны, широколицы, грубоватой, раскосой наружности. Закопчены жадным солнышком, чуть колченоги, приземисты. Русый волос у них жёсткий, как конский. Было что-то от монгольской вольницы в этих суровых девушках. В том, как они, подобоченься, подтыкали подола, подхватывали золотые щетинистые снопы, перевязывая их на перекрестье вязáнкой.

Когда Павел, невесть откуда, то ли, с лесных заимок, то

ли, с дальних выселок, привел себе невесту – деревенские сразу прозвали её Сىня, минуя её имя Лизавета.

В деревне на прозванья языки быстры. Только Павла всегда и все звали по имени. Не приклеилось к нему ни одно прозвище, как ни старались деревенские острословы. От него всякая чернота отскакивала, как шелуха от спелых зёрен. И сам Павел был несхож с деревенскими ни нравом, ни обличьем. Светлокожий, голубоглазый, с пшеничной думхмяной бородой. "Ни в мать, ни в отца, а в проезжего молодца" – судачили соседи, но Павел только улыбался тихо в свою чудесную бороду, в которой жили-путались травинки-лепесточки. Он был весь, как свежий луг, на который гонял он деревенское стадо. Такой же журчащий и ласковый.

Вечерами они с Колинóй садились у окошечка, что выходило на лес, и смотрели, смотрели вдаль, перешептываясь одним лишь им понятными словами. Одним лишь им ведóмыми звуками.

Вёды. Так про эту маленькую семью судачили в деревне.

А всё пошло от местной повитухи Лясы. Уж больно она любила посплетничать. А тут...

Мать Колины – Сىня дохаживала на сносях из последних сил. Она таяла, а живот рос. Под конец, Павел выносил её по утрам на руках на опушку, укладывал на душистый травяной сноп, а сам уходил со стадом на ближние луга.

~~~

... белы́ облака, белы́ лёго́ньки. Где вы ведóньки, мо́и

девоньки... Я ушла от вас, заплела венки, зализал туман раны моих ног. Да любила я, да ходила я, в омуты темные, выходила к вам с туман-пелены, запевала я с вами песнь свою... белые облака, скоро к вам сойду...

~~~

Вечеру, Павел забирал жену из стога, легкую, невесомую, как-будто обтекающую белой пеной большой, тугий живот.

Ляса была званá в дом к Павлу до родов всего раз. Тогда она заглянула в глаза Сини́, и всё поняла...

— Не жить тебе, девонька, — Ляса тихо проговорила в тень, бывшую когда-то Лизаветой, — вся ты ушла в дочку вашу. Вон, живот то, какой круглой...

Повернулась и ушла.

Уходя, бросила коротко Павлу.

— Через месяц приду. Денег не возьму. Но то, что попрошу — отдашь.

Павел, как всегда, тихо кивнул в ответ.

В тот день, когда Колина́ попросилась на свет, по-над лесом стоял белым-белый туман. Его языки жадно подползали к избе пастуха, лизали её, искали щелочки, чтобы заползти, забраться в дом, погладить ту, что сольётся с ним вскоре.

Роды были быстрыми. Синя́ коротко охнула, и испарилась, исчезла, утонула в белых простынях, настеленных в протопленной нажарко, по указу Лясы, баньке.

Под низким потолком раздался тонкий писк новорожден-

ной девочки.

—Аааууууиих. — Чудно́, необычно, как песня, невдо́мая, иная, нездешняя. — Ааааууууии.

Свет, падавший он лучин, заплясал, заторопился по стена́м, затрясся в душистый травах, навешенных Павлом, по наказу повитухи.

Синя́-Лизавета глянула на дочь, откинулась назад, закрыла синие веки. И отошла за туман. Тихо, тихо.

Белые простыни были за́литы чёрной, смолистой кровью роженицы. Ляса покачала головой, окунула ребёнка в тёплую воду, обмотала в чистые пелена́, и сунула скрутку застывшему от горя Павлу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.